

XX.

Теперь передъ нами выступаетъ второй, болѣе трудный вопросъ: возможно ли расширение товарищеской организаціи труда, свободной отъ принужденія, до размѣровъ всего общества и далѣе—до предѣловъ человечества?

Отрицательный отвѣтъ представляется съ перваго взгляда единственно вѣроятнымъ. Аргументы въ его пользу толпятся такой массой, что не знаешь, съ чего начать.

Однако, изслѣдуя эти аргументы, легко свести ихъ къ двумъ типамъ: одни изъ нихъ имѣютъ исходную точку въ опредѣленномъ пониманіи самыхъ товарищескихъ отношеній, которымъ приписываются свойства, исключая возможность ихъ безпредѣльнаго расширения; другіе ссылаются на природу человека и общества, въ которой будто бы существуютъ условія, ставящія узкія границы такому расширенію. Разсмотримъ аргументы перваго рода.

Самый общій и самый серьезный изъ нихъ таковъ. Товарищескія отношенія—это по существу отношенія *кружковыя*. Они опираются на *личныя симпатіи* отдѣльных людей

другъ къ другу; тамъ, гдѣ такихъ симпатій нѣтъ, товарищеская организація невозможна или нежизнеспособна; а между тѣмъ для каждаго человѣка область личнаго чувства ограничена, и, слѣдовательно, также ограничена сфера товарищеской связи людей: она не можетъ охватывать милліоны и милліарды личностей, образующіе общество и человѣчество.

Вся сила этого аргумента заключается въ смѣшеніи частной, конкретной формы товарищескихъ отношеній—и притомъ низшей ихъ формы—съ товарищескими отношеніями вообще, съ тѣмъ особымъ типомъ развитія, который они выражаютъ.

Сущность товарищеской организаціи заключается въ единствѣ цѣли, свободно—безъ всякаго принужденія—поставленной себѣ людьми и выходящей за предѣлы личныхъ интересовъ каждаго изъ нихъ. Въ раздробленномъ, анархичномъ обществѣ, гдѣ цѣли человѣческой дѣятельности чрезвычайно разнообразны и такъ мало связаны между собою, что противорѣчиво сталкиваются на каждомъ шагу,—въ такомъ обществѣ вполне естественнымъ образомъ товарищеское единство цѣли выступаетъ на первыхъ по-

рахъ только въ маленькихъ группахъ людей, близко связанныхъ родствомъ, дружбой — вообще личными симпатіями, личными элементами жизни. Эта узкая непосредственная связь чувства упрочиваетъ собою и самое единство цѣли — любовь къ общему дѣлу сливается съ любовью къ людямъ, его выполняющимъ, и находитъ въ ней для себя лишнюю опору. Но все измѣняется по мѣрѣ расширенія самого дѣла.

Тутъ личная близость и кружковая связь не только перестаютъ служить надежной опорой общей работы, но нерѣдко оказываются прямо вредными для нея. Привыкши связывать въ своемъ сознаніи стремленіе къ общей цѣли съ опредѣленными личностями и субъективно-односторонне оцѣнивая эти личности подъ вліяніемъ живой симпатіи къ нимъ, человекъ кружковой психологіи не мирится съ неизбѣжнымъ теперь въ силу интересовъ самого дѣла измѣненіемъ ихъ роли въ работѣ, и вноситъ свое недовольство, какъ источникъ раздора и противорѣчій, въ общую жизнь товарищеской организации. На этой стадіи развитія товарищеская связь не лишена еще къ тому же, нѣкоторой авторитарной окраски, — положеніе од-

нихъ товарищей, какъ признаваемыхъ руководителей, кажется болѣе «вліятельнымъ» и «почетнымъ», чѣмъ положеніе другихъ, и человѣкъ кружка нерѣдко готовъ даже вступить въ борьбу съ товарищами, лично ему не близкими и не симпатичными, изъ-за «мѣстъ» для «своихъ», для болѣе близкихъ и симпатичныхъ людей.

Такъ бываетъ нерѣдко въ жизни профессиональныхъ и политическихъ организацій товарищескаго типа при переходѣ ихъ отъ узко-групповой постановки дѣла къ болѣе широкой, особенно при сліяніи въ партію ряда отдѣльныхъ «кружковъ», долго работавшихъ независимо одинъ отъ другого. Тогда получается странная картина: люди, стремящіеся, повидимому, къ одной и той же цѣли и не расходящіеся даже въ основныхъ средствахъ ея достиженія, ведутъ ожесточенную борьбу между собою, бессмысленно растрачивая силы своего коллективного цѣлаго. Борьба эта заканчивается только тогда, когда побѣждаютъ въ ней группы, наименѣе пропитанныя духомъ кружка, наиболѣе проникнутыя идеей цѣлаго. Товарищеская организація освобождается тогда отъ господства личныхъ связей и симпатій и высту-

паетъ, какъ дѣйствительная коллективность, сплоченная реальнымъ единствомъ работы.

Впрочемъ, при анархическомъ, неорганизованномъ строеніи всего общества, при неизбѣжномъ въ его условіяхъ преобладаніи индивидуалистической психологіи, даже товарищеская организація по мѣрѣ своего расширенія принуждена одѣваться въ безличныя формы условнаго нормативнаго характера, въ формы организаціонныхъ «уставовъ». На видъ это такія же внѣшне-принудительныя нормы, какъ юридическія, обычныя, нравственныя и т. под.; по существу же онѣ совсѣмъ не таковы. Ихъ *обязательность* заранее подчинена ихъ *цѣлесообразности*; заранее признается возможность и даже необходимость ихъ нарушенія, какъ только онѣ оказываются въ явномъ противорѣчій съ той общей цѣлью, ради которой возникла самая организація. Это не велѣнія личной или безличной *власти*, которая, не мотивируя, требуетъ повиновенія; это *организаціонныя нормы цѣлесообразности*, которыми устанавливаются наиболѣе цѣлесообразные способы *сотрудничества*. Въ нихъ нѣтъ, при нормальныхъ условіяхъ, того фетишизма, который составляетъ душу нормъ принужденія, который дѣлаетъ

изъ этихъ нормъ законы для постановки людьми самыхъ цѣлей ихъ дѣятельности, а не для выбора только наилучшихъ средствъ къ достиженію ихъ свободно поставленныхъ цѣлей.

Итакъ, принципиальная узость связей кружковыхъ отнюдь не означаетъ такой же узости связей товарищескихъ. Совсѣмъ напротивъ. Только путемъ устраненія элементовъ спеціально кружковыхъ могутъ товарищескія отношенія получить возможность свободного развитія.—Но это не значитъ, чтобы въ нихъ могли совершенно отсутствовать элементы симпатіи, чтобы товарищеская связь являлась по существу эмоціонально-холодной, узко-дѣловой связью. Нѣтъ, только симпатія здѣсь имѣетъ не такой узко-личный, индивидуалистическій характеръ, какъ, положимъ, въ отношеніяхъ дружбы, кровнаго родства, половой любви. Симпатія, основанная на сотрудиществѣ, на общей борьбѣ, на общей цѣли, можетъ быть *не меньше* глубока, чѣмъ симпатія, основанная на обычныхъ пріятныхъ впечатлѣніяхъ, получаемыхъ отъ другого человека. Въ то же время по своему типу она болѣе совершенна въ томъ смыслѣ, что гораздо менѣе чувствительна къ случайностямъ

жизни, гораздо менѣе болѣзненна при неизбѣжныхъ жизненныхъ крушеніяхъ. Въ ней преобладаетъ *не состраданіе, а сорадованіе*.

Товарищъ дорогъ товарищу, какъ гармонично съ нимъ дѣйствующая сила въ общей борьбѣ, какъ частичное живое воплощеніе общей цѣли. Каждый успѣхъ въ этой общей борьбѣ, каждый шагъ къ этой общей цѣли служитъ богатымъ источникомъ той общей радости, въ которой взаимныя выраженія счастливыхъ переживаній углубляютъ и усиливаютъ ихъ радостный характеръ. Но неудача или пораженіе далеко не въ такой мѣрѣ влекутъ здѣсь за собою обмѣнъ проявленіями горя и печали,—этого не допускаетъ *активный* характеръ товарищеской связи. Товарищъ выбылъ изъ строя, товарищъ погибъ,—первая мысль, которая выступаетъ на сцену, это какъ *замѣнить* его для общаго дѣла, какъ заполнить пробѣлъ въ системѣ силъ, направленныхъ къ общей цѣли. Здѣсь не до унынья, не до погребальныхъ эмоций,—все вниманіе направлено въ сторону дѣйствія, а не «чувства».—Отсюда та «безчувственность» къ страданіямъ товарищей, которая такъ поражаетъ филантропическихъ филистеровъ въ активныхъ политическихъ борцахъ.

Итакъ, по существу, товарищеская связь способна къ такому же безграничному расширенію, какъ сознательное сотрудничество, составляющее реальную основу этой связи. Симпатія узко-личнаго характера не только не является необходимымъ условіемъ товарищескихъ отношеній, но, наоборотъ, находится въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ тенденціей ихъ развитія. Это чувство, неизбѣжно играющее большую роль на раннихъ ступеняхъ развитія товарищеской организаціи, становится на слѣдующихъ его стадіяхъ препятствіемъ, которое необходимо преодолѣть. На мѣсто такой симпатіи выступаетъ иная, чуждая индивидуализма и мелочности, способная въ своемъ развитіи охватывать неопредѣленно-расширяющійся кругъ человѣческихъ личностей.

XXI.

Переходимъ къ другому ряду обычныхъ аргументовъ противъ защищаемой нами концепціи. Развѣ въ самой природѣ человѣка и общества нѣтъ коренныхъ условій, дѣлающихъ неизбѣжными жизненныя противорѣчія между людьми, и какъ необходимый ре-

зультатъ этихъ противорѣчій—принудительное регулированіе человѣческихъ отношеній внѣшними нормами? Условія эти неустранимы, пока человѣкъ есть человѣкъ, а не ангелъ; эгоистическіе инстинкты всегда будутъ вызывать столкновенія личныхъ интересовъ, и чтобы столкновенія эти въ своемъ прогрессивномъ развитіи и обостреніи не превратили людей въ настоящихъ волковъ, перегрызающихъ горло другъ другу, необходимо внѣшнее обузданіе закона, права, морали и т. д. Нормы же цѣлесообразности совершенно не могутъ замѣнить такого обузданія—онѣ одинаково будутъ указывать при однихъ условіяхъ наилучшіе способы помочь ближнему, при другихъ—наилучшіе способы перегрызть ему горло, ихъ условный императивъ опредѣляетъ средства, а не цѣли,—регулировать цѣли въ силахъ только императивъ категорическій, безусловное принужденіе.

Представьте себѣ—говорятъ представители такихъ взглядовъ — громадную желѣзнодорожную сѣть, гдѣ непрерывно движутся и скрещиваются тысячи поѣздовъ, гдѣ только величайшая точность въ выполненіи каждымъ изъ безчисленныхъ агентовъ общаго дѣла его спеціальной роли гарантируетъ не-

прерывность цѣлаго, гдѣ малѣйшая небрежность угрожаетъ гибелью тысячамъ человеческихъ жизней и глубокимъ потрясеніемъ всей общественной системѣ. Что будетъ, если каждый изъ агентовъ руководится при этомъ лишь нормами цѣлесообразности, т.-е. въ сущности преслѣдуетъ повсюду свои собственные цѣли, стараясь только достигать ихъ возможно быстрѣе и полнѣе, съ наименьшей затратой силъ? Пусть опытные специалисты составили самое лучшее, самое цѣлесообразное расписаніе, указывающее каждому работнику системы его функцію во всѣхъ ея подробностяхъ, — кто можетъ поручиться, что указанія эти будутъ всѣми строго выполняться? Все будетъ зависѣть отъ личнаго произвола каждаго изъ многихъ тысячъ работниковъ; не чувствуя надъ собой никакой принудительной силы, не опасаясь никакого наказанія они будутъ на каждомъ шагу поддаваться, индивидуальнымъ и случайнымъ настроеніямъ, ошибочнымъ расчетамъ и жизнь цѣлаго станетъ невозможной: сегодня усталый машинистъ найдетъ цѣлесообразнымъ остановить поѣздъ на нѣсколько часовъ, чтобы отдохнуть, завтра кочегаръ предпочтетъ созерцаніе прекрасныхъ ланд-

шафтовъ утомительной топкѣ паровоза, послѣ-завтра стрѣлочникъ сочтетъ удобнымъ направить всѣ поѣзда на запасный путь, чтобы они тамъ подождали, пока онъ вернется съ любовнаго свиданія, и т. д., и т. д. Только суровое принужденіе можетъ непрерывно удерживать всякаго въ точныхъ границахъ его обязанностей.

Тѣ сильные аффекты—гнѣвъ, месть, половое влеченіе, ревность, — которые въ наше время такъ легко разрываютъ даже прочныя рамки закона и морали, тѣмъ болѣе не встрѣтятъ серьезнаго сопротивленія въ гибкихъ эластичныхъ формахъ чистой цѣлесообразности. Это будетъ полная свобода для преступленія. Спасительный страхъ не будетъ удерживать людей отъ крайностей и порывовъ,—и все социальное потонетъ въ анархическомъ хаосѣ разнузданныхъ инстинктовъ. Безуміе и страхъ воцарятся на мѣстѣ разума и свободы.

Всѣ эти соображенія имѣютъ своей исходной точкою ту идею, что человѣческая природа въ основѣ своей неизмѣнна, что при всякихъ общественныхъ формахъ, при всякихъ историческихъ условіяхъ она остается эгоистичной, индивидуалистичной, какой

видимъ мы ее въ современномъ обществѣ. Вѣрная узко-личному интересу, она чужда идеи цѣлаго, и общественный интересъ, социальная цѣлесообразность только тогда получаютъ для нея руководящее значеніе, когда при посредствѣ наказанія и принужденія, насилия и страха преобразуются въ личную цѣлесообразность, въ индивидуальный интересъ.—Къ счастью, съ человѣческой природой дѣло обстоитъ не такъ плохо, и представленіе объ ея неизмѣнности—давно пройденная ступень познанія.

Человѣкъ—производное своей общественной среды, учитъ современная историческая теорія. Если въ данную эпоху онъ является по существу индивидуалистомъ, то это именно потому, что такимъ создаетъ его современное общество, атомистически раздробленное, анархичное, построенное на конкуренціи и классовой враждѣ. Отражая собою это социальное строеніе, человѣкъ не можетъ не быть индивидуалистомъ; но онъ не былъ имъ въ иномъ, иначе устроенномъ — первобытно-коммунистическомъ, родовомъ обществѣ. Тамъ личный интересъ не обособлялся отъ коллективнаго, тамъ человѣкъ органически сливался съ своимъ цѣлымъ—группою,

общиной, какъ сливаются клѣтки въ живыхъ тканяхъ. Понадобились тысячи лѣтъ развитія, чтобы человѣкъ сталъ выдѣлять свои личныя цѣли изъ общихъ цѣлей своей коллективности; и это случилось уже тогда, когда распалась первобытная связь общества, когда изъ маленькой организованной системы оно стало огромнымъ неорганизованнымъ агрегатомъ.

Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнiя, что въ новомъ обществѣ, гдѣ исчезнетъ разъединяющая сила конкуренціи и классовой борьбы, исчезнетъ и та психологія разъединенiя, въ которой личность противопоставляетъ себя со своими цѣлями и интересами другимъ личностямъ и всему обществу. Сознавая себя интегральной частью великаго цѣлаго, живя непрерывно единой съ нимъ жизнью, человѣкъ утратитъ даже представленіе объ эгоистическихъ, узко-индивидуальныхъ цѣляхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ излишними и регулирующія борьбу этихъ цѣлей нормы принужденiя.

Даже въ современномъ обществѣ связь принужденiя и насилія только въ общемъ и цѣломъ преобладаетъ надъ связью симпатiи и трудовой солидарности. Въ цѣлой массѣ

случаевъ эта послѣдняя всецѣло устраняетъ первую, и именно тогда коллективное дѣйствіе достигаетъ наибольшей силы и плановѣрности. Когда въ столкновеніи двухъ армій солдатъ одной изъ нихъ объединяетъ и ведетъ на бой принудительная сила долга, служебнаго и моральнаго, а солдатъ другой—живое непосредственное сознаніе общей цѣли въ видѣ любви къ родинѣ,—тогда мы хорошо знаемъ, которая изъ двухъ окажется на дѣлѣ организованнѣе и сильнѣе. Насколько живѣе, ярче и глубже должно проявляться сознаніе коллективной цѣли въ такомъ обществѣ, гдѣ цѣль эта выступаетъ на сцену не въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ, но проникаетъ собою всю социальную жизнь, непосредственно воплощаясь въ организованной системѣ коллективнаго труда.

XXII.

Тутъ аргументъ, опирающійся на «природу человѣка», измѣняетъ свою форму и превращается въ аргументъ, основанный на *природѣ общества*. Именно та самая коллективная организація труда, которая одна въ силахъ устранить антагонизмы личные, груп-

повые и классовые, и этимъ, будто бы, освободить путь для господства нормъ цѣлесообразности, именно она требуетъ для своего осуществленія громаднаго развитія принудительныхъ нормъ, громаднаго расширенія ихъ области. Въ самомъ дѣлѣ, общественное производство должно быть организовано такъ, чтобы полностью удовлетворять всѣ общественныя потребности. Для этого человѣческій трудъ долженъ быть цѣлесообразно распределенъ между всѣми отраслями производства; а какимъ путемъ достигнуть такого распределенія помимо внѣшне-принудительныхъ пріемовъ? Если предоставить каждому свободно опредѣлять для себя и родъ, и количество труда, то въ результатѣ наиболѣе интересныя и пріятныя отрасли труда будутъ постоянно переполнены работниками, тогда какъ въ другихъ отрасляхъ недостатокъ рабочихъ силъ будетъ совершенно неизбѣжнымъ хроническимъ зломъ. Поэтому тамъ безусловно необходимо установленіе всеобщаго рабочаго дня, можетъ быть, не очень продолжительнаго, но обязательнаго для всѣхъ, и притомъ безъ права для каждаго отдѣльнаго лица по произволу выбирать себѣ работу. Такой принудитель-

ный рабочій день, очевидно, предполагает періодическое полное подчиненіе личности внѣшней для нея силѣ общественнаго цѣлаго, и *исключаетъ* собою дѣйствительное господство нормъ цѣлесообразности.

К Грозный призракъ государственной казармы, неумолимо приковывающей личность къ ненавистной для нея работѣ, призракъ «грядущаго рабства», жестоко тревожитъ сердце современнаго индивидуалиста. Великій ученый, проводящій ежедневно по восьми часовъ на отупляющей работѣ у ткацкаго станка, талантливый художникъ, отдающій столько же времени на выламываніе угля въ темной шахтѣ, гениальный романистъ за счетной конторской работой и т. д., и т. д. — всѣ эти каторжные ужасы отражаютъ одновременно и стихійное, инстинктивное отвращеніе нынѣшняго индивидуалиста къ тѣмъ высшимъ формамъ, которыя зарождаются въ глубинѣ нашего общества, и — глубочайшее ихъ *непониманіе*.

Трудъ — органическая потребность человека, и обществу нѣтъ надобности стегать личность бичомъ государственнаго или хотя бы моральнаго принужденія, чтобы заставить ее трудиться. Для нормальнаго, развивающа-

гося человѣка трудовой день, навѣрное, не 8 часовъ, а значительно больше. Посмотрите на проснувагося къ жизни рабочаго, который послѣ 11—12 часовъ принудительной работы на фабрикѣ тратитъ еще цѣлые часы на интенсивнѣйшую работу самообразованія; посмотрите на активнаго политическаго работника, часто едва находящаго время ѣсть и спать послѣ самаго напряженнаго труда,—психологія этихъ представителей будущаго общества въ обществѣ современномъ достаточно ручается вамъ за то, что грядущій социальный строй будетъ располагать колоссальною суммой свободнаго труда. Даже при нынѣшнихъ социальныхъ отношеніяхъ, систематически воспитывающихъ высшіе классы въ паразитическомъ направленіи, — даже тутъ представители этихъ классовъ отнюдь не являются, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, простыми бездѣльниками; работаютъ обыкновенно даже чистѣйшіе рентьеры, хотя и меньше, чѣмъ другіе люди, — они только свободно избираютъ себѣ родъ труда, и, по большей части, въ силу классовыхъ предразсудковъ и другихъ ненормальныхъ условій жизни, избираютъ именно какой-нибудь наименѣе

содержательный, наиболѣе бесполезный для общества. И такъ, есть всѣ основанія думать, что недостатка въ трудѣ будущее общество, и помимо всякихъ формъ принужденія, въ общемъ и цѣломъ испытывать отнюдь не будетъ.

Правда, можно думать, что даже въ общемъ и цѣломъ этотъ свободный трудъ заполнить далеко не всѣ сферы производства равномерно,—его въ цѣломъ рядѣ отраслей окажется слишкомъ мало. Здѣсь-то и выступаетъ вопросъ о принудительномъ пополненіи недостающаго. То *переходное коллективистическое общество*, которое будетъ организовано еще въ государственныхъ, въ правовыхъ формахъ, которое будетъ еще организаціей классоваго господства, организаціей власти пролетаріата, это общество, конечно, и прибѣгнетъ къ принудительному установленію рабочаго дня. Но уже здѣсь, очевидно, обязательный трудъ будетъ охватывать лишь нѣкоторую, съ самаго же начала едва ли значительную часть коллективно-необходимаго количества, такъ что врядъ ли мыслимъ не только 8-часовой, но даже 6- или 5-часовой «рабочій день». Въ распределеніи этой доли труда общество опять-

таки необходимо должно — въ интересахъ самой производительности труда — считаться по мѣрѣ возможности съ личными склонностями и вкусами работниковъ, и лишь постольку, поскольку и здѣсь окажется, что самораспредѣленіе работниковъ не соотвѣтствуетъ реальной потребности производства, на сцену выступить социальная обязательность, принудительная норма.

Таково, однако, лишь переходное состояніе общества. Въ дальнѣйшемъ перемѣна должна совершаться въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, быстрое развитіе производительныхъ силъ само по себѣ будетъ уменьшать потребность въ принудительно организованномъ трудѣ; машина будетъ замѣнять здѣсь человѣка, освобождая его отъ работы, но не отъ средствъ къ жизни, какъ она дѣлаетъ это теперь. Съ другой стороны, въ новой общественной организаціи будетъ измѣняться самая психологія человѣка, становясь все болѣе социальной, все менѣе индивидуалистичной. При этомъ свободное самораспредѣленіе труда будетъ все болѣе облегчаться: недостающее въ той или иной области производства количество труда будетъ быстро пополняться добровольными

работниками, для привлеченія которыхъ понадобится не сила общественнаго принужденія, а только статистическія таблицы, констатирующія общественную потребность. И это будетъ достигаться тѣмъ легче, что безконечно прогрессирующее развитіе машинъ дѣлаетъ все менѣе труднымъ переходъ отъ однихъ видовъ работы къ другимъ, а интенсивный ростъ энергіи человѣческаго организма будетъ постоянно порождать въ немъ стремленіе къ новой и новой смѣнѣ однихъ трудовыхъ процессовъ другими.

XXIII.

Итакъ, ни въ природѣ человѣка, ни въ природѣ общества нѣтъ такихъ условій, которыя исключали бы возможность развитія вплоть до полного устраненія внѣшнихъ нормъ и принудительныхъ отношеній, вплоть до полного господства нормъ цѣлесообразности и товарищескихъ отношеній между людьми. Остается еще одинъ, страшно важный вопросъ: насколько прогрессивны эти высшія формы жизни? Давая безпредѣльный просторъ развитію, даютъ ли онѣ достаточные стимулы къ нему? Ихъ гармонія не ве-

детъ ли къ застою, и ихъ стройность—къ неподвижности? Если бы это было такъ, то даже современный міръ, съ его болѣзненнымъ развитіемъ среди безчисленныхъ противорѣчій, былъ бы безконечно лучше того «высшаго» міра, гармонично и безболѣзненно процвѣтающаго въ бессмысленныхъ циклическихъ повтореніяхъ?

А между тѣмъ это именно такъ и есть,—рѣшительно утверждаютъ защитники индивидуализма. Только изъ противорѣчій общественной жизни рождается общественное развитіе, только конкуренція и борьба классовъ создаютъ движеніе прогресса. Развѣ родовыя общества, чуждыя этой борьбы и этихъ противорѣчій, не были самыми застойными, какія знаетъ исторія? Развѣ техническій прогрессъ — основа всякаго иного прогресса—не вызывается именно конкуренціей, заставляющей капиталистовъ искать новыхъ и новыхъ средствъ удержать за собою рынокъ среди отчаянныхъ нападеній соперниковъ? Развѣ самая смѣна общественныхъ формъ не обуславливается борьбою классовъ? А потому не очевидно ли, что устранить конкуренцію и борьбу классовъ, устранить общественныя противорѣчія сти-

хійнаго развитія — значить устранить прогрессъ техники и общественныхъ формъ, устранить развитіе вообще?

Не только конкуренція и прямая борьба, но даже простое соревнованіе должно исчезнуть тамъ, гдѣ исчезаютъ индивидуалистическія чувства, потому что оно изъ нихъ всецѣло вытекаетъ, потому что для него нѣтъ почвы тамъ, гдѣ личность не противопоставляетъ себя другимъ личностямъ. Откуда же возьмутся стимулы развитія?

Отвѣтъ очень нетруденъ. Борьба между людьми, ихъ конкуренція, соревнованіе — все это только *производные* стимулы развитія, и за ними скрываются иные, глубже ихъ лежащіе — стимулы *первичные*. Эти послѣдніе возникаютъ тамъ, гдѣ человѣкъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ природой, гдѣ въ непосредственной борьбѣ съ нею онъ самъ выступаетъ какъ производительная, какъ творческая сила. Вотъ неутомимый путешественникъ ведетъ свою одинокую, отчаянную борьбу съ полярной природой, вотъ страстный охотникъ ежечастью рискуетъ своею жизнью въ истребительной войнѣ съ хищниками, вотъ упорный изобрѣтатель безъ отдыха напрягаетъ свою мысль и свое воображеніе, чтобы

подчинить человѣку еще одну изъ стихійныхъ силъ вселенной, вотъ идеалистъ ученый съ непреклонною энергіей стремится вырвать у природы ея тайну,—эти люди переживаютъ наиболѣе быстрое, наиболѣе интенсивное развитіе, а развѣ *только* конкуренція или соревнованіе съ другими людьми двигаютъ при этомъ ихъ волей? Конечно, нѣтъ; эти мотивы имѣютъ для нихъ наименьшее значеніе.

Всюду, гдѣ дается новый и новый матеріаль опыта, и всюду, гдѣ обнаруживается дисгормонія въ старомъ ея матеріалѣ,—тамъ начинается прогрессивная, творчески-гармонизирующая работа психики. Родовое общество теряло свой консерватизмъ и начинало преобразовывать технику, когда абсолютное перенаселеніе проявляло себя въ общемъ голоданіи, — конкуренціи между отдѣльными людьми при этомъ не требовалось. Открытіе Америки съ той массой новаго жизненнаго содержанія, которую принесло оно человѣчеству, и безъ всякаго соревнованія способно было преобразовать всю жизнь человѣчества. Врагъ-человѣкъ не сильнѣе и не вѣрнѣе толкаетъ человѣка на путь развитія, чѣмъ другой великій врагъ — и въ то же

время полный таинственного очарованія другъ его—природа.

При полномъ взаимномъ пониманіи людей широта товарищескаго общенія между ними въ будущей соціальной системѣ гарантируетъ для личности постоянный притокъ новыхъ и новыхъ переживаній, новаго и новаго матеріала опыта. Въ то же время исторически-выработанная и ставшая привычной тонкая и сложная гармонія жизни обусловитъ высшую чувствительность ко всякой возникающей дисгармоніи. Эти условія интенсивнѣйшаго развитія представляютъ прямую противоположность съ тѣми, какія создаются въ нашемъ современномъ мірѣ. Здѣсь «дробленіе» человѣка, порожаемое специализаціей, понижаетъ степень взаимнаго пониманія людей и суживаетъ сферу ихъ общенія; а въ то же время *привычка* къ жизненной дисгармоніи, естественно возникающая тамъ, гдѣ человѣка на каждомъ шагу окружаютъ противорѣчія, притупляетъ чувствительность ко всякой новой дисгармоніи. Мы изъ опыта нашихъ дней хорошо знаемъ до чего можетъ въ эпоху острыхъ общественныхъ кризисовъ доходить эта нечувствительность людей къ самымъ ужаснымъ, до безумія чудовищно проявляющимся противорѣчіямъ жизни.

Та внутри-общественная борьба, въ которой индивидуалистъ видитъ единственный и безусловно необходимый двигатель прогресса, въ дѣйствительности является не только двигателемъ, но отчасти и тормозомъ прогресса: она растрчиваетъ *силы* и разсѣиваетъ творческое *вниманіе* человѣка. Первое понятно само собою; второе также становится въ высшей степени очевиднымъ, если ясно себѣ представить, что побѣда въ борьбѣ человѣка съ людьми, хотя бы и въ экономической борьбѣ, очень часто достигается и такими путями, которые ничего общаго съ социальнымъ прогрессомъ не имѣютъ. Сколько ума и изобрѣтательности, пригодныхъ для лучшаго дѣла, тратится на спекуляцію и биржевыя продѣлки! И въ то же время возможность введенія машинъ въ производство значительно суживается оттого, что условіемъ этого введенія служитъ не ихъ полезность, а ихъ прибыльность, не сбереженіе, при ихъ помощи, труда работниковъ, а увеличеніе процента.

Всѣ эти побочныя вредныя дѣйствія совершенно чужды тому *всеобщему и основному* двигателю прогресса, какимъ является непосредственная борьба человѣка съ природою.

Степень прогрессивности товарищескихъ

организаций находится въ наиболѣе тѣсной зависимости отъ широты общенія между людьми, какая въ нихъ достигается. Узкіе кружки съ ихъ бѣднымъ жизненнымъ содержаніемъ, неминуемо впадаютъ въ консерватизмъ по мѣрѣ того, какъ исчерпывается все новое, что могутъ ихъ члены дать другъ другу. Крупныя товарищескія организациі развиваются гораздо дольше, интенсивнѣе, — въ зависимости опять-таки отъ ихъ широты: коммунистическія общины съ нѣсколькими сотнями участниковъ послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ процвѣтанія переходятъ къ вырожденію, политическія партіи аналогичнаго типа со многими тысячами членовъ растутъ и крѣпнутъ и вырабатываютъ новыя формы все быстрѣе и энергичнѣе, не обнаруживая никакого истощенія.

Все это съ полной опредѣленностью приводитъ къ тому выводу, что наибольшая скорость и энергія прогресса, наибольшая его разносторонность и гармоничность могутъ быть достигнуты только въ такомъ обществѣ, которое своею соціальною формою будетъ имѣть товарищеское сотрудничество, своими рамками — границы человечества. Тамъ силы развитія станутъ безпредѣльны.

III.

Проклятые вопросы философіи.

У моря пустынного, моря полночнаго
Юноша грустный стоитъ.
Въ груди тревога, сомнѣньемъ полна голова,
И мрачно волнамъ говорить онъ:
„О, разрѣшите мнѣ, волны,
Загадку жизни—
Древнюю, полную муки загадку!
Ужъ много мудрило надъ нею головъ—
Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
Головъ въ чалмахъ и черныхъ, съ перьями
шапкахъ,
Головъ въ парикахъ, и тысячи тысячъ другихъ
Головъ человѣческихъ, жалкихъ, безсиль-
ныхъ...
Скажите мнѣ волны, что есть человѣкъ?
Откуда пришелъ онъ? Куда пойдетъ?
И кто тамъ надъ нами на звѣздахъ живетъ?“
Волны журчатъ своимъ вѣчнымъ жур-
чаньемъ;
Вѣтъ вѣтеръ; бѣгутъ облака;
Блещутъ звѣзды, безучастно-холодныя;
И дуракъ ожидаетъ отвѣта!

Г. Гейне.

Тѣ философскіе вопросы, съ которыми
гейневскій герой обращается къ морскимъ
волнамъ послѣ того какъ безъ успѣха обра-
щался въ современной ему нѣмецкой идеа-
листической философіи Фихте, Шеллинга и

Гегеля, эти «послѣдніе», «вышіе» или «вѣчные» вопросы не во всѣ времена обнаруживаютъ тѣ свойства, за которыя получили характеристику «проклятыхъ». Такъ называемыя «органическія» эпохи, когда общественный міръ стоитъ твердо на своихъ китахъ, и эти серьезные флегматичныя животныя, не тревожимыя острыми гарпунами практическихъ противорѣчій и идейной критики, не проявляютъ опасной склонности ворочаться съ боку на бокъ и нырять,—органическія эпохи, въ сущности, не знаютъ проклятыхъ вопросовъ. Если бы нашъ симпатичный молодой метафизикъ адресовалъ свои вопросы, напримѣръ, къ тому нетронутому капитализмомъ и культурой натурально-хозяйственному мужичку, который въ свое время былъ настоящимъ «китомъ» для цѣлаго стройнаго, полнаго надеждъ міровоззрѣнія, а нынѣ превратился почти въ миоическое существо,—то отвѣты получались бы опредѣленные и вразумительные, чуждые всякой «тревоги» и «сомнѣній». Правда, эти отвѣты не удовлетворили бы, вѣроятно, нашего героя, можетъ быть, показались бы ему вовсе даже не отвѣтами,—но это именно потому, что онъ представитель совершенно

иной, «критической» или «переходной» эпохи, которая уже выполнила одну половину дѣла—покончила со старыми отвѣтами, но не успѣла выполнить другой—покончить со старыми вопросами.

Философское и теологическое образованіе «мрачнаго юноши» не можетъ подлежать сомнѣнію. Онъ знакомъ со всевозможными отвѣтами, какіе когда-либо давались мудрецами человѣческаго рода на занимающіе его вопросы. Почему же онъ не въ состояніи успокоиться ни на одномъ изъ этихъ вопросовъ? Что довело его до такого безнадѣжнаго къ нимъ недовѣрія, что морскія волны кажутся ему болѣе компетентными въ метафизикѣ, чѣмъ мудрые авторы этихъ отвѣтовъ, и что даже головы означенныхъ мудрыхъ людей онъ считаетъ вполне достаточнымъ классифицировать по тѣмъ колпакамъ, которыми онѣ украшены?

Во всѣхъ отвѣтахъ метафизиковъ и теологовъ онъ нашелъ одно общее и крайне прискорбное свойство: развертываться въ безконечные ряды, не двигаясь съ мѣста.

«Въ чемъ состоитъ существо человѣка?» спрашиваетъ, на примѣръ, онъ, и ему, положимъ, отвѣчаютъ: «въ безсмертной душѣ».

«А въ чемъ существо этой души?» спрашиваетъ онъ тогда. Допустимъ, что на это дастся такой отвѣтъ: въ вѣчномъ стремленіи къ абсолютному идеалу добра, истины и красоты. «А что такое этотъ идеаль?»— продолжаетъ онъ; и когда ему дадутъ опредѣленіе: идеаль этого есть то-то и то-то,— онъ вынужденъ спрашивать дальше: «Что есть это самое «то-то и то-то», которое заняло мѣсто сказуемаго при подлежащемъ «абсолютный идеаль?»—и т. д., безъ конца. Предъ нимъ выступаетъ какъ будто безконечный рядъ отраженныхъ образовъ въ двухъ параллельныхъ зеркалахъ. Успокоиться на какомъ-нибудь изъ отвѣтовъ его умъ можетъ такъ же мало, какъ его зрѣніе остановиться на которомъ-нибудь изъ отраженій. Напротивъ, образы становятся все болѣе тусклыми, отвѣты все менѣе понятными, чувство неудовлетворенности возрастаетъ.

Та же исторія повторяется съ каждымъ изъ «проклятыхъ» вопросовъ; и нашъ юный философъ, видя, что не можетъ ни отъ кого добиться иныхъ отвѣтовъ, кромѣ еще болѣе «проклятыхъ», впадаетъ въ вполне понятное отчаянье. Мудрецы пытаются объяснить ему, что это совершенно неосновательно, что во

всемъ виноватъ онъ самъ. Они говорятъ: «молодой человѣкъ, вы впали въ очень грубую ошибку, безконечно растягивая цѣпь вопросовъ. Вы можете, разумѣется, по поводу всякой вещи, по поводу всякаго опредѣленія спрашивать—что такое это? что такое то?—но вопросы эти не всегда имѣютъ разумный смыслъ. Есть вещи, непосредственно извѣстныя, непосредственно очевидныя и понятныя; всякая попытка опредѣлить ихъ, во-первыхъ, безцѣльна, потому что онѣ не нуждаются въ опредѣленіи, во-вторыхъ, неосуществима, потому что нѣтъ ничего болѣе ихъ извѣстнаго, черезъ что ихъ можно было бы опредѣлить. Разъ вы дошли до нихъ, вы достигли цѣли и должны остановиться; дальнѣйшіе вопросы представляютъ уже только злоупотребленіе грамматическими формами и нашимъ терпѣніемъ».

— Прекрасно,—замѣчаетъ мрачный юноша,—такъ будьте же любезны указать мнѣ, гдѣ то непосредственно извѣстное, о которомъ вы говорите. Я спрашивалъ васъ, въ чемъ состоитъ существо человѣка; вы мнѣ сказали: въ безсмертной душѣ. Ужъ не она ли должна быть непосредственно для меня очевидна и понятна?

— Конечно, да!—подхватываетъ одинъ мудрецъ,—развѣ вы не чувствуете ее въ себѣ, развѣ вы не сознаете себя, свое духовное «я», такъ рѣзко и ясно выдѣляющееся среди всего міра? Неужели тутъ нужны еще какія-нибудь опредѣленія?

— Такъ вотъ, представьте себѣ, что для меня это «я» совсѣмъ не ясно и не понятно. Иногда мнѣ кажется, что я его дѣйствительно чувствую и отличаю отъ всего остального; иногда, напротивъ, оно совсѣмъ куда-то ускользаетъ и становится неуловимо; а иногда я замѣчаю, что оно у меня не одно, а какъ-будто ихъ нѣсколько. Какъ же мнѣ не спросить, что оно въ сущности такое?

— Въ этомъ вы совершенно правы,—снисходительно замѣчаетъ другой мудрецъ.—Эмпирическое «я», которое старые теологи смѣшивали съ душою, отнюдь не есть что-либо опредѣленное; это не болѣе, какъ хаосъ переживаній. Въ немъ надо выдѣлить то абсолютное, нормальное «я», которое составляетъ подлинную сущность человѣческой личности, ея бессмертную душу. Именно это «я» вы сознаете въ себѣ, когда подчиняете свои переживанія высшимъ этическимъ, эстетическимъ и логическимъ нормамъ, когда

стремитесь къ абсолютному добру, красотѣ, истинѣ.

— Увы, почтеннѣйшій, — съ грустью отвѣчаетъ нашъ герой, — съ этими вашими абсолютами дѣло обстоитъ для меня еще хуже, чѣмъ съ душой вообще. Вчера мнѣ казалось, что я стремлюсь къ абсолютному добру, отдаваясь порыву патріотической ненависти къ врагамъ отечества и подавляя всѣ противоположныя чувства, — а сегодня я вижу, что это была оргія пошлаго шовинизма, враждебнаго истинному идеалу. Вчера я старался обуздывать чувственныя страсти, стремясь, какъ мнѣ казалось, къ высшей духовной красотѣ, а сегодня я подозреваю, что въ основѣ этого обузданія лежала просто подлая трусость передъ стихійными силами моей собственной природы. Какъ же мнѣ не спросить васъ, что такое ваши абсолютные идеалы?

Очевидно, несчастье молодого философа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его отличие отъ тѣхъ мудрецовъ, которые предлагали ему свои рѣшенія вѣчныхъ задачъ, сводится къ полной невозможности найти въ своихъ переживаніяхъ что-нибудь достаточно опредѣленное и непосредственно-понятное, чтобы оно могло послужить надежнымъ базисомъ и критеріемъ

для всего остального. Если человекъ старыхъ временъ употреблялъ выраженіе «моя душа», то онъ хорошо зналъ, о чемъ говоритъ: то было его сегодняшнее сознаніе, которе лишь незамѣтно отличалось отъ вчерашняго и завтрашняго, которое представляло прочный и консервативный въ своихъ повтореніяхъ комплексъ переживаній, а потому и воспринималось какъ нѣчто вполне извѣстное и само собою понятное. Привычное не возбуждаетъ вопросовъ и недоумѣній, человекъ не можетъ видѣть въ немъ никакой загадки; силою многократнаго повторенія даже самое смутное понятіе, какъ о томъ свидѣтельствуется вся исторія религиозныхъ догматовъ, получаетъ въ концѣ-концовъ окраску величайшей достовѣрности и очевидности. Различныя мелкія божества католической религіи, съ которыми ежедневно вступаетъ въ молитвенное общеніе итальянскій крестьянинъ, для него ничуть не менѣе реальны и несомнѣнны, чѣмъ его сосѣди, съ которыми онъ бесѣдуетъ и ссорится. Чѣмъ консервативнѣе сознаніе, тѣмъ больше въ немъ самоочевиднаго и самопонятнаго, того, что не порождаетъ сомнѣній, а, наоборотъ, можетъ служить опорой противъ всякихъ сомнѣній,

базисомъ для надежныхъ и убѣдительныхъ отвѣтовъ на всякіе вопросы.

Въ своей психикѣ нашъ герой не находитъ ничего достаточно устойчиваго и консервативнаго, ничего настолько «непосредственно-извѣстнаго», чтобы можно было остановиться и съ успокоеннымъ сердцемъ сказать: «вотъ это для меня понятно и не требуетъ ни вопросовъ, ни объясненій; и такъ же будетъ понятно все, что мнѣ удастся свести къ этому». Всѣ отвлеченности, которыми угощаютъ его мудрецы, кажутся ему *перемѣнными*, неопредѣленными и сомнительными по содержанію. Всѣ опредѣленія, которыми ему пытаются помочь, кажутся ему бесплодной игрою со смутными и туманными образами, въ которыхъ нѣтъ жизни и силы, чтобы матеріализоваться. «*Mobilis in mobili*» — «измѣняющійся въ измѣнчивой средѣ» — таково трагическое положеніе, которое дѣлаетъ совершенно безнадежными, съ его точки зрѣнія, всѣ усилія философскихъ головъ, безъ различія ихъ уборовъ, въ дѣлѣ рѣшенія «вѣчныхъ» вопросовъ — вопросовъ о неизмѣнномъ и неподвижномъ въ жизни.

На сцену выступаетъ новое лицо, для котораго мрачный юноша, къ своему удивленію,

не находить мѣста въ своей классификаціи философскихъ головъ. Это—критикъ-позитивистъ, который, вмѣсто измышленія отвѣтовъ на «проклятые» вопросы, ставитъ вопросъ о самыхъ этихъ вопросахъ, объ ихъ законности и логической состоятельности.

«Вы хотите знать, въ чемъ состоитъ «сущность» человѣка, жизни, міра?—говоритъ онъ:—но постарайтесь сначала выяснить себѣ, что собственно, подразумѣваете вы подъ этимъ словомъ «сущность». Оно означаетъ неизмѣнную основу явленій, тотъ абсолютно постоянный субстратъ, который скрывается подъ ихъ непостоянной оболочкой. Это слово имѣло смыслъ для вашихъ предковъ, которые *не знали*, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего неизмѣннаго, ничего абсолютно-постояннаго. Они выдѣляли изъ дѣйствительности болѣе устойчивые элементы и сочетанія и, считая ихъ, по недостатку наблюденій и опыта, за абсолютно устойчивые, называли ихъ «сущностью» данныхъ вещей и явленій. Вамъ же хорошо извѣстно, что абсолютно постоянныхъ камбинацій вовсе нѣтъ, что въ каждомъ явленіи каждый его элементъ можетъ исчезнуть и смѣниться новымъ; и если вы, стремясь добраться до сущности, устра-

ните изъ дѣйствительности все, что въ ней измѣнчиво и что, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ самому понятію сущности, то у васъ *ничего* не останется. Останется только слово «сущность», выражающее вашу попытку найти неизмѣнное въ измѣненіяхъ, попытку безнадежную по своей внутренней, логической противорѣчивости. И всѣ ваши вопросы, въ которыхъ фигурируетъ это слово, такъ же логически противорѣчивы, какъ выражаемое имъ понятіе. Въ нихъ не больше разумнаго смысла, чѣмъ, напр., въ вопросѣ, какъ великъ объемъ данной поверхности или изъ какого дерева сдѣлано желѣзо.

«Другіе ваши вопросы—о «происхожденіи» человѣка, жизни, міра, происхожденіи не въ смыслѣ научнаго опыта и наблюдаемой послѣдовательности явленій, а въ смыслѣ абсолютнаго, внѣ-опытнаго, творческаго первоисточника,—вопросы эти выражаютъ стремленіе найти послѣднюю причину всего существующаго. Но понятіе причины возникло изъ опыта и относится къ опыту, оно выражаетъ связь между однимъ и другимъ предметомъ, между однимъ и другимъ явленіемъ; внѣ отдѣльныхъ, данныхъ предметовъ и явленій оно лишено всякаго смысла. Между

тѣмъ, то «все», о которомъ вы спрашиваете, отнюдь не есть какой-либо данный предметъ или данное явленіе,—оно есть безконечно развертывающееся содержаніе, къ которому принадлежатъ всѣ предметы и явленія; примѣнять къ нему понятіе причины, значитъ принимать его за нѣчто данное, ограниченное,—а оно безгранично и никогда не дано намъ. И, опять-таки, ваши предки знали, что говорили, когда ставили вопросъ о причинѣ всего, о твореніи міра. Ихъ «все», ихъ «міръ» представлялъ изъ себя, дѣйствительно, нѣчто данное и вполне ограниченное, хотя бы въ ихъ мысли; имъ чужда была идея о безконечности бытія, природа была для нихъ только очень большой вещью, для которой они подыскивали и соотвѣтственно большую причину. Но вы, имѣющій понятіе и объ экстенсивной и объ интенсивной безконечности существующаго, какъ можете вы поставить объ этой безконечности вопросъ, относящійся только къ конечному? Вы, знающій, что «все» не есть объектъ возможнаго опыта, а только символъ его безпредѣльнаго расширенія, какимъ образомъ хотите вы обращаться съ этимъ «все», какъ съ однимъ изъ такихъ объектовъ? Поистинѣ, вопросъ вашъ

подобенъ вопросу ребенка о томъ, сколько верстъ отъ земли до небеснаго свода или сколько лѣтъ Господу Богу.

«Третій рядъ вашихъ вопросовъ относится къ «смыслу» т.-е. къ «цѣли», существованія человѣка, жизни, міра. Здѣсь недоразумѣніе еще очевиднѣе. Понятіе «цѣли» заимствовано изъ психическаго опыта, изъ области сознанія; оно выражаетъ связь между *представленіями* сознательнаго существа и результатами его дѣйствій. Слѣдовательно, вопросъ о цѣли міра и жизни заранѣе предполагаетъ уже наличность какого-то сознательнаго существа, которое стремится своими дѣйствіями достигнуть опредѣленныхъ результатовъ, т.-е., очевидно, обладаетъ опредѣленными потребностями, для удовлетворенія которыхъ средствомъ или однимъ изъ средствъ служить міровой процессъ и жизнь человѣка. Но гдѣ нашли вы такое существо, и что даетъ вамъ право а priori предположить его наличность? Вполнѣ естественно и понятно, что ваши предки, жившіе въ атмосферѣ рабства и подчиненія, привыкшіе во всевозможныхъ случаяхъ жизни играть роль средства для цѣлей чужого расчета и произвола, что они повсюду присоединяли къ наблюдаемымъ дѣйствіямъ

людей и даже къ явленіямъ мертвой природы мысль о деспотической волѣ, которой служатъ эти дѣйствія или явленія. Но вы, человѣкъ, знакомый съ идеями свободы и даже съ борьбою за свободу, вы, практически отрицающій рабство и подчиненіе, а теоретически признающій ихъ за пройденную ступень развитія человѣчества, почему въ сферѣ высшихъ обобщеній вы ставите вопросъ такъ, какъ будто не можете и вообразить себя иначе, какъ рабомъ чьей-то чужой воли? И при этомъ вопросъ вашъ оказывается такъ же мало мотивированъ, такъ же плохо обоснованъ, какъ если бы вы, напр., спрашивали у голоднаго человѣка, по чьей просьбѣ онъ собирается обѣдать, или у падающаго съ колокольни—по чьему порученію онъ спѣшитъ.

«Итакъ, бросьте эти бессмысленныя комбинаціи словъ, называемыя «вѣчными вопросами»; на нихъ не требуется отвѣта, потому что это—вопросы только по грамматической формѣ, а не по логическому содержанію; и, кромѣ отрицанія самой ихъ постановки, всякій иной отвѣтъ на нихъ былъ бы такой же, какъ и они сами, нелѣпостью».

Юный вопрошатель, прошедшій школу

кантовской «Критики чистаго разума», не можетъ отрицать законности постановки вопроса о критикѣ самыхъ вопросовъ, которые его занимаютъ. Послѣ нѣсколькихъ возраженій и попытокъ защитить эти вопросы, онъ приходитъ къ выводу, что съ формальной стороны отстаивать ихъ—дѣло безнадежное. Тогда онъ обращается къ своему собесѣднику съ такимъ заявленіемъ:

«Я допускаю, что логически вы совершенно правы, что волнующіе меня вопросы нелогичны и противорѣчивы. Но отчего же ваши аргументы, противъ которыхъ я уже не въ силахъ возражать, не убѣждаютъ меня настолько, чтобы я отказался хотя отъ одного изъ этихъ вопросовъ? Отчего, когда я принуждаю себя стать на вашу точку зрѣнія, отвергнутые вопросы напоминаютъ о себѣ тоской и болью въ душѣ, и черезъ минуту вновь всплываютъ, прорывая всякія логическія преграды? Отчего они такъ *неустранимы* изъ моего сознанія, и даже кажутся для меня дороже всего остального, что я въ немъ имѣю? Я думаю, что не въ одной логикѣ дѣло, и что теоретическій разумъ некомпетентенъ отвергать и даже подвергать критикѣ то, что рождается изъ глубочайшихъ

глубинъ практическаго разума. Можетъ быть, нелогичность вопросовъ означаетъ только то, что они выше логики?»

«Мой другъ,—отвѣчаетъ критикъ-позитивистъ,—если вамъ угодно отрицать логику, то никакой споръ съ вами, никакая попытка убѣдить васъ вообще не могутъ имѣть мѣста. Но посмотрите, до чего жалкій видъ имѣетъ то подобіе аргументаціи, которое вы примѣняете въ защитѣ своихъ вопросовъ. Развѣ тоска и боль въ душѣ могутъ доказать что-нибудь, кромѣ болѣзни? Развѣ неустранимость изъ сознанія не свойственна многимъ окончательно опровергнутымъ иллюзіямъ, напр., хотя бы иллюзіи движенія солнца вокругъ земли, или движенія луны и звѣздъ вмѣстѣ съ вашей особой, когда вы идете? А ваше соображеніе, что нелогичное можетъ быть выше, а не ниже логики,—скажите, что можетъ быть печальнѣе въ смыслѣ убѣдительности, чѣмъ такія «можетъ быть—соображенія»? И напрасно вы прячетесь подъ пріоритетъ практическаго разума надъ теоретическимъ; этотъ удобный догматъ—да не вмѣнится онъ покойному Канту въ день страшнаго суда!—никакъ не можетъ отмѣнить логику, ибо то, что называется разу-

момъ, по самому понятію «разума» должно подчиняться логикѣ. Итакъ, бросьте безплодныя умствованія надъ несуществующими вопросами,—ваши юныя силы могутъ пригодиться на что-нибудь лучшее!»

«Ахъ, оставьте вы меня въ покоѣ,—нервно протестуевъ нашъ вопрошатель.—Нѣтъ для меня на свѣтѣ ничего ни лучшаго, ни худшаго, пока не рѣшены эти вопросы; а если они нелѣпы, то къ чему я самъ, и не все ли равно, куда я растрочу свои силы? Нѣтъ цѣли, нѣтъ смысла въ жизни, все течетъ и измѣняется, призраки рождаются изъ призраковъ, и ничего нѣтъ за ними, кромѣ безконечной, зіяющей пустоты. Къ чему мнѣ тогда ваша логика, ваша наука, ваша критика и ваши положительныя знанія? Не могу я вамъ повѣрить, даже если за васъ очевидность; ибо что мнѣ въ такой холодной безжизненной очевидности?»

«И знаете ли что?—прибавляетъ вдругъ онъ, останавливая свой пристальный, горящій взглядъ на грустно-насмѣшливомъ лицѣ своего собесѣдника,—вы, вѣдь и сами не выполнѣ себѣ вѣрите. Тамъ, въ темной глубинѣ вашей души, осталось то, противъ чего вы боретесь; что такъ горячо отрицаете.

И я, милостью Божіей психологъ и поэтъ, которому дано проникать въ человѣческое сердце дальше, чѣмъ другимъ людямъ,—я говорю вамъ: только ваша борьба противъ этихъ проклятыхъ вопросовъ спасаетъ васъ отъ ихъ фатальнаго вліянія. Если бы эта борьба кончилась, вы убѣдили бы всѣхъ и самого себя, и некому было бы доказывать то, что вы мнѣ пытались доказать,—эта побѣда превратилась бы въ величайшее поразженіе. Холодъ охватилъ бы вашу опустошенную душу, бездна раскрылась бы передъ нею, и изъ ея темной глубины возстали бы все тѣ же, ненавистные и неизбѣжные, проклятые вопросы.

«Да, *этой* болѣзни не вылѣчитъ ваша безпощадная хирургія. Вамъ приходится изрѣзывать всего паціента—и останется отъ него только система *lege artis* наложенныхъ повязокъ. Лучше пойду я, неисправимый, допрашивать волны; если онѣ и не сумѣютъ мнѣ отвѣтить, то дадутъ мнѣ минуту забвенія въ уносящемъ всякіе вопросы созерцаніи. А пройдетъ эта минута, и вновь обступятъ мою душу проклятые гости,—ну, тогда, можетъ быть, я обращусь къ волнамъ за другою услугой: въ ихъ холодныхъ объятыхъ

можно навѣкъ избавиться отъ тревогъ и сомнѣній, все смоятъ онѣ, чистыя, прозрачныя...»

Позитивистъ удаляется, сострадательно пожимая плечами, и молодой философъ остается одинъ со своими мыслями.

Пойдемъ же и мы, въ свою очередь, побесѣдовать съ нимъ объ этихъ мысляхъ. Правда, поступая такъ, мы впадаемъ въ несомнѣнный анахронизмъ,—но что значать анахронизмы для «вѣчныхъ» вопросовъ? Къ тому же, мы на три четверти вѣка старше его, потому что явились на свѣтъ тремя поколѣнiями позже; и можетъ быть, тотъ болѣшій опытъ, который стоитъ за нашими плечами, дастъ какiя-нибудь указанiя или намеки на выходъ изъ той мучительной безысходности, которая такъ угнетаетъ этого симпатичнаго идеалиста временъ минувшихъ.

Онъ спрашиваетъ о сущности человѣческаго сознанiя, объ его послѣдней причинѣ, объ его конечной цѣли; соотносительные вопросы о *мирѣ* подразумѣваются при этомъ сами собою. Что же получилъ бы онъ въ случаѣ удачнаго рѣшенiя вопросовъ? Въ чемъ ихъ жизненный смыслъ?

«Сущность»—этотъ неизмѣнный субстратъ

измѣненій—дала бы ему твердую, устойчивую *точку опоры* въ хаосѣ непрерывнаго движенія, вѣчной смѣны формъ въ немъ самомъ и въ окружающей средѣ. Къ «сущности» могъ бы онъ апеллировать, на ней успокаиваться каждый разъ, какъ его познаніе и воля терялись бы въ этомъ хаосѣ, каждый разъ, какъ опасное головокруженіе угрожало бы отнять его силы и радость жизни.

А «последняя причина», эта остановка на пути безконечно развертывающагося въ прошлое познанія причинъ? Она, очевидно, была бы также точкой опоры именно — *точкой опоры въ прошломъ*.

Такова же и «конечная цѣль» — *точка опоры въ будущемъ*.

Кто ищетъ для себя съ тоской и тревогой точекъ опоры въ жизни? Тотъ, у кого ихъ нѣтъ, кого уноситъ куда-то и уноситъ противъ его воли, — потому что пловецъ, добровольно и радостно отдающійся волнамъ, не мучится въ это время тревогой и тоскою по прибрежнымъ скаламъ.

Уноситъ противъ воли и неизвѣстно куда! Вотъ въ чемъ трагизмъ положенія нашего идеалиста, и не его одного...

Что же уносить? Космическія силы—дви-

женіе земли вокругъ солнца, движеніе солнечной системы вокругъ неизвѣстнаго центра?.. Ну, объ этомъ нашъ философъ не особенно беспокоится... Съ этимъ давно примирилось его сознаніе, и законы тяготѣнія кажутся ему достаточной точкой опоры въ безконечномъ плаваньи по астрономическимъ безднамъ. У него даже срывается иногда легкомысленная шутка по поводу космическаго «perpetuum mobile».

«...А тамъ—это яркое солнце—
Не красный ли спяну то носъ
Властителя міра, Зевеса,—
И около этого красного носа
Не спяну ли міръ кружится?»

Надъ чѣмъ весело и беззаботно смѣются, къ тому не относятся, очевидно, съ особенной «тревогой и сомнѣніемъ», и не изъ этого движенія рождаются фатальные вопросы о точкахъ опоры...

А смерть? Можетъ быть, это она, неизбежная и беспощадная, наполняя сознаніе инстинктивнымъ страхомъ, мучительнымъ и смутнымъ, какъ кашмаръ,—можетъ быть, она произвела на свѣтъ эти злые призраки? Но она для человѣка—не движеніе, а конецъ движенія, остановка на пути, и ужъ,

конечно, не изъ нея возникаетъ задача— найти точки опоры въ движеніи жизни. Устанавливая неопредѣленные, но тѣсныя границы личному существованію, она можетъ стимулировать, обострить потребности и загадки, возникающія въ этихъ границахъ,— но не опредѣлить собою ихъ содержаніе. Его исходная точка, во всякомъ случаѣ, въ движеніи самой жизни.

Но, можетъ быть, нашего поэта-философа пугаютъ и мучатъ непонятныя, стихійныя силы его собственной души? Нѣтъ, онъ и ихъ не боится, а скорѣе любитъ, онѣ даютъ ему счастье творчества, онѣ зовутъ его къ радостямъ жизни, къ борьбѣ... Къ борьбѣ,— но изъ-за чего? Къ радостямъ,—но неужели только для себя? Творчество,—но куда его направить, на что въ немъ опереться? Вотъ тутъ и встаютъ проклятые вопросы. Не вѣчное движеніе великаго космоса, не волненія и порывы собственной души идеалиста порождаютъ въ немъ эти вопросы,— они только *приводятъ* къ нимъ, не болѣе. Источникъ ихъ лежитъ *внѣ* отдѣльной личности и *внѣ* безразличной стихійности внѣшней природы.

Гдѣ же именно? На это ясно указываетъ другое стихотвореніе Гейне, посвященное

также «проклятымъ вопросамъ», которые тамъ онъ формулируетъ ближе къ жизни:

«Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя;
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые,
Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый,
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? Иль силъ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно.
Такъ мы спрашиваемъ жадно,
До тѣхъ поръ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это, полно?»

Вотъ гдѣ лежитъ то неразумное и нелогичное въ жизни, что наполняетъ душу тревогой и сомнѣніемъ и будить въ ней неразрѣшимые вопросы: въ общественной жизни людей, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Непонятны тѣ стихійныя силы, которыя царятъ тамъ, нѣтъ въ нихъ ни логики, ни справедливости; уносятъ онѣ человѣка къ той судьбѣ, которой онъ не хочетъ и не заслуживаетъ и, что всего ужаснѣе, которой онъ

не знаетъ... Идетъ борьба,—но лучшіе ли въ ней побѣждаютъ? Кипитъ работа,—но кому достанутся ея плоды? Отвѣты жизни то и дѣло оказываются такъ нелѣпы, такъ чудовищны, что сердце сжимается отъ боли и недоумѣнія. Противорѣчія общественнаго бытія людей—вотъ корень проклятыхъ вопросовъ, осаждающихъ сознаніе.

Когда природа всецѣло властвовала надъ человѣкомъ, тогда неразумное и нелогичное, тяготѣвшее надъ его жизнью, находилось совершенно внѣ его и ему подобныхъ, и было ему вполне чуждо. Оно лежало тамъ, гдѣ онъ и не могъ искать и требовать ни логики, ни разумности, гдѣ онъ могъ бояться и умолять, но только не спрашивать. Поэтому въ теологическомъ міровоззрѣніи, выражающемъ эту фазу развитія, проклятыхъ вопросовъ вовсе нѣтъ: тѣ вопросы, которые соотвѣтствовали имъ по внѣшнему выраженію, имѣли совершенно иное, несравненно менѣе сложное содержаніе и допускали чрезвычайно простые, ясные и достаточно убѣдительные отвѣты. Если, напр., признавалось, что человѣкъ и все живое существуетъ для того, чтобы творить волю пославшаго, то воля эта понималась какъ чи-

стый произволъ, и не философскій анализъ долженъ былъ выяснять ее, а непосредственное откровеніе. Если было установлено, что «существо человѣка» состоитъ въ его душѣ, то уже не возникало дальнѣйшаго вопроса, въ чемъ же существо этой души: она не была соткана изъ загадочныхъ противорѣчій, ея простота и жизненная устойчивость не порождали сомнѣній насчетъ ея состава и степени ея реальности. Все было на своемъ мѣстѣ; и философскія сомнѣнія не могли найти дороги въ головы, всецѣло заполненные заботою о непосредственномъ поддержаніи жизни.

Рядъ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ человѣчествомъ надъ внѣшней природой, протекалъ нераздѣльно съ кореннымъ преобразованіемъ общественной природы человѣка. Человѣкъ сталъ существомъ *логическимъ* и *этическимъ*.

Первое—логическая форма мышленія—явилося болѣе непосредственнымъ результатомъ возрастающей власти надъ природою: въ твердыхъ логическихъ нормахъ выразилось прочное обладаніе цѣлой массою связей и соотношеній между комплексами природы. Законъ торжества формулируетъ по пре-

имуществу социальный и непрерывный характер этого обладания: «то, что для меня и въ данный моментъ есть A , является таковымъ же A и въ опытѣ другихъ людей, а также и въ моихъ послѣдующихъ воспоминаніяхъ объ этомъ»,—таковъ единственно возможный смыслъ формулы $A=A$, смыслъ, внѣ котораго она превращается въ бесполезную и безжизненную комбинацію знаковъ. Законъ достаточнаго основанія резюмируетъ реальное жизненное значеніе этого обладанія,—возможность предвидѣть будущее, освобожденіе отъ непостижимыхъ случайностей и чудесъ.

Этическое сознание было болѣе косвеннымъ слѣдствіемъ трудового развитія чело-вѣчества. Общество возросло до громадныхъ размѣровъ и глубоко дифференцировалось въ зависимости отъ раздѣленія труда между людьми. Но именно это сдѣлало общество формально - неорганизованной, анархической системой. Матеріальная жизненная связь сотрудничества между членами и группами общества осталась, но была совершенно замаскирована ихъ формальной обособленностью и борьбою ихъ интересовъ. Этическое сознание и выразило въ себѣ эту двойствен-

ную природу общества, являясь той формою, въ которой матеріальная связь трудовой солидарности ограничивала и обуздывала анархическія тенденціи группъ и личностей въ борьбѣ ихъ интересовъ. Фетишистическій характеръ этого сознанія (абсолютный императивъ, религіозный или «категорическій»), его «непостижимость» вытекала именно изъ противорѣчія между реальной связью сотрудничества, составляющей его основу, и скрывающей эту связь формальной независимостью личностей въ трудовомъ процессѣ и борьбой между ними. Разъ основа ускользаетъ отъ наблюденія, а проявленіе обладаетъ очевидной жизненной реальностью и практическимъ значеніемъ, то очень понятно, что оно представляется фетишисту «голосомъ изъ другого міра».

Неорганизованная, анархичная форма общественного процесса отдала человѣка, вышедшаго изъ подчиненія стихіямъ внѣшней природы, во власть не менѣ стихійныхъ силъ самой общественной жизни, и силы эти понесли человѣка «неизвѣстно куда и противъ его воли». Но существо логическое и этическое уже не могло съ первобытнымъ фатализмомъ и покорностью отнестись къ

этому положенію; оно стало цѣпляться за то, что обычно давало ему опору въ жизни,— за логическія и этическія формы своего сознанія. Къ непонятному и непреодолимому потоку жизни оно начало предъявлять логическія и этическія требованія, которыя, конечно, не удовлетворялись, но благодаря этому становились только еще болѣе настоятельными и ощущались еще болѣзненнѣе. Обобщенную форму этихъ требованій и представляютъ «проклятые вопросы».

Громадныя различія жизненнаго опыта людей, какъ членовъ дифференцированного общества, различія, приводящія къ неизбѣжному въ той или иной мѣрѣ ихъ взаимному непониманію въ ихъ сотрудничествѣ и борьбѣ, вмѣстѣ съ громадными измѣненіями въ содержаніи опыта отдѣльнаго человѣка въ различныхъ фазахъ его существованія, приводящими къ неустойчивости образа собственнаго «я» человѣка, создаютъ мучительную потребность въ томъ общемъ и непрерывномъ, что господствовало бы надъ всѣми этими различіями и измѣненіями, что было бы *всегда и для всехъ тождественной* точкой опоры въ хаосѣ жизни. Эта потребность, выражаемая въ «вѣчномъ вопросѣ» о «сущно-

сти вещей», и есть перенесеніе на «все», на стихійный потокъ бытія того требованія, которое логика формулируетъ какъ *законъ toughness*.

Безпомощность личности передъ непонятными силами общественнаго бытія, ея неспособность овладѣть ими въ познаніи и практикѣ, обостряетъ потребность причинно представить себѣ движеніе этихъ силъ и порождаетъ другой «вѣчный вопросъ» — о всеобщей «причинѣ причинъ», которая послужила бы отдыхомъ и успокоеніемъ отъ вѣчно мелькающихъ и ускользающихъ, утомительно сплетающихся и безнадежно запутывающихся причинъ частныхъ. Это — перенесеніе на безконечное той точки зрѣнія, которая логически выражается по отношенію къ конечнымъ явленіямъ въ *законъ достаточнаго основанія*.

Что касается вопроса о высшей цѣли бытія, то его смыслъ еще очевиднѣе: это страстный вопль безсилія *этического сознанія* передъ безнадежной неэтичностью развертывающейся жизненной борьбы. Къ общественному, къ человѣческому бытію этическій человѣкъ не можетъ не предъявлять этическихъ требованій; а оно молчаливо издѣваетъ

ся надъ ними, наказывая добродѣтель и награждая порокъ. Боль этого противорѣчія воплощается въ телеологическомъ вопросѣ, «проклятомъ» и «вѣчномъ», потому что самыя обстоятельства, которыя его порождаютъ, ручаются за его неразрѣшимость.

Итакъ, тотъ своеобразный социально-психологическій фактъ, который называется «проклятыми» или «вѣчными» вопросами философіи, имѣетъ свой глубоко-реальный жизненный базисъ: это господство стихійности общественныхъ отношеній надъ личностью и ея судьбою. Пока этотъ базисъ существуетъ, нельзя и мечтать о *полномъ* искорененіи означенныхъ вопросовъ; самая тонкая и сильная философская критика не можетъ уничтожить того, что зарождается гораздо глубже сферы дѣйствія критики вообще. Въ этомъ смыслѣ правъ былъ нашъ герой въ своей отповѣди критику-позитивисту: самъ этотъ позитивистъ, понятія не имѣвшій объ истинной основѣ критикуемыхъ вопросовъ, конечно, въ глубинѣ души былъ не настолько свободенъ отъ склонности къ нимъ, насколько воображалъ и высказывалъ это. Какъ дитя буржуазнаго общества, всецѣло стоя на почвѣ его отношеній,—какъ и всѣ,

подчиненный ихъ непреодолимой стихійности, могъ ли онъ не отразить въ своей психикѣ это подчиненіе и эту стихійность?

Въ иномъ положеніи находится его историческій наслѣдникъ — современный «реалистъ» школы Маркса. Для него существуютъ не только сложившіяся буржуазно-капиталистическія отношенія, но также иныя, изъ нихъ возникающія, но представляющія ихъ противоположность. Рядомъ съ классами, живущими всецѣло въ атмосферѣ конкуренціи и общественно-трудовой анархіи, обусловливающихъ господство надъ людьми ихъ собственныхъ отношеній, выступаетъ иной классъ — пролетаріатъ, представитель растущей товарищеской солидарности, массоваго объединенія силъ, съ тенденціей подчинить своей организованной волѣ эти общественныя отношенія. Появленіе этого класса создаетъ и новую точку зрѣнія, которая уже позволяетъ, во-1), изслѣдовать стихійныя силы общественнаго процесса и такимъ образомъ познавательно овладѣть ими, во-2), вести шагъ за шагомъ сознательную борьбу противъ ихъ реального господства. Такимъ образомъ подрывается самый базисъ мучительныхъ «вѣчныхъ» вопросовъ, и возника-

еть впервые возможность ихъ дѣйствительнаго и прочнаго устраненія.

Кто знаетъ тенденцію происходящихъ въ жизни измѣненій, кто ясно понимаетъ, куда они ведутъ, и ничего не имѣетъ противъ ихъ основнаго направленія, а наоборотъ, видитъ въ немъ прогрессъ, ростъ и расширеніе жизни, тотъ уже не находится въ положеніи пловца, уносимаго теченіемъ неизвѣстно куда и противъ его воли, тотъ не ищетъ отчаянно точекъ опоры, фиктивныхъ, если нѣтъ реальныхъ. Таковъ современный «реалистъ». Ему извѣстна, въ основныхъ чертахъ, линія развитія общественной жизни, извѣстна настолько, что позволяетъ уже съ успѣхомъ дѣлать нѣкоторыя важныя предсказанія; и общій смыслъ этихъ предсказаній; оказывается въ данную эпоху благопріятнымъ для роста жизни и силы людей. Гдѣ совершающіяся измѣненія не страшны и не враждебны, тамъ нѣтъ стремленія цѣпляться за неизмѣнное. Къ чему реалисту пустая «сущность» вещей, когда для него раскрываются шагъ за шагомъ полные смысла и содержанія законы ихъ движенія? Къ чему неизмѣнная «послѣдняя причина», когда, развертывая одно за другимъ звенья безконечной цѣпи

причинъ, онъ съ каждымъ новымъ шагомъ испытываетъ гордое чувство побѣды, возрастанія власти надъ враждебными силами? Къ чему извнѣ поставленная, чужой волей навязанная «конечная цѣль» жизни, когда, свободно избирая себѣ идеалъ жизни, онъ убѣждается, что ея собственный путь, по которому ведетъ ее объективный ходъ ея собственнаго развитія, пролегаетъ въ сторону этого же идеала? «Вѣчные» вопросы отмираютъ, уходятъ въ прошлое, освобождая мѣсто и силы для новыхъ, трудныхъ, но разрѣшимыхъ, вопросовъ, «временныхъ», но живыхъ и близкихъ вопросовъ жизни, а не того, что внѣ жизни и надъ нею.

Всѣ эти условія и мотивы успокоенія на борьбѣ и для борьбы существуютъ въ наше время, но ихъ не было или почти не было въ эпоху гейневскаго идеалиста. Поэтому, если бы, вопреки закону исторіи, къ нему явился современный «реалистъ» и попытался изложить свою точку зрѣнія, молодой вопрошатель просто не понялъ бы его, не нашелъ бы въ своей психикѣ тѣхъ переживаній, которыя составляютъ дѣйствительный смыслъ и содержаніе новаго пониманія жизни. Онъ пожалъ бы плечами и сказалъ

630.8

бы: «Вы говорите на моемъ родномъ языкѣ, каждое слово мнѣ знакомо, а ваша рѣчь въ цѣломъ совершенно мнѣ недоступна, точно бессмысленный наборъ словъ». И реалистъ не могъ бы ему помочь, потому что словами и аргументами нельзя создать новаго жизненнаго содержанія.

Въ 1848 году, среди грозы и бури «безумнаго года», гейневскій идеалистъ умеръ, а еще въ 1847-мъ коммунистическій манифестъ возвѣстилъ міру появленіе на свѣтъ современнаго «реалиста». Новое жизненное содержаніе создавалось быстро, его росту и развитію не предвидится конца.

Все измѣнилось. Теперь уже не «дуракъ ожидаетъ отвѣта» отъ волнъ холоднаго, безжизненнаго моря, а сознательный пловецъ стремится овладѣть волнами кипящаго моря жизни, чтобы сдѣлать ихъ грозную силу средствомъ движенія къ своему идеалу. И на этомъ пути зарождается новый міръ, царство гармоничнаго и цѣлостнаго человѣка, освобожденнаго отъ противорѣчій и принужденія въ своей практикѣ, отъ фетишизма — въ познаніи.

